

Глава 3

РЕВОЛЮЦИЯ И АРМИЯ

Армия в мирное и военное время. — Армия и правительство. — Армия и общественные организации. — Родзянко и армия. — Состояние армии к концу 1916 года.

§ 1. Армия в мирное и военное время.

Подавляющее большинство исследователей русской революции согласны в том, что революция была вызвана войной. Однако в чем именно выразилось влияние войны, каким образом война определила ход революции — тут мнения расходятся. В прошлом общепринят был взгляд, что главная причина заключалась в военных неудачах и несостоятельности правительства. Это мнение можно считать производным той яростной атаки против правительства, которую в 1915–1916 гг. вели и радикалы, и либералы, поэтому здесь позволительно заподозрить пристрастие. Даже если принять, что обвинения оппозиции основательны, то сама посылка, что бездарное ведение войны непременно ведет к падению правительства и системы в целом, не бесспорна. Военное поражение не обязательно становится прелюдией революции. Восстание декабристов в 1825 году последовало за победоносной войной. Унизительное поражение России в крымской кампании не привело к революции. Но революционная ситуация непременно возникает там, где правительству и его учреждениям не удается одушевить и направить силы, которые высвобождаются в народе войной. По многим причинам Николай II и его правительство оказались совершенно неспособны подчинить себе эти силы и потеряли контроль над ними задолго до того, как они стали открыто противоправительственными.

Это общее утверждение приложимо прежде всего к русской армии. Русская армия, после введения в 1874 году всеобщей воинской повинности, всегда была гибким и надежным орудием в руках правительства. Во время революции 1905 года, несмотря на sporadическое дезертирство и мятежи, главным образом армия и казаки обеспечили победу правительства над революционерами и находящимися под их влиянием массами. Армия присягала царю, присяга эта не была простой формальностью ни для солдат, главным образом из крестьян, ни для кадровых офицеров. Сила присяги усугублялась представлением о царе как о помазаннике Божием, а также социальной замкнутостью армии, которая в очень малой степени была затронута политическим брожением времени.

Огромный приток новобранцев и запасников в начале Первой мировой войны совершенно изменил положение. Молодые русские крестьяне были превосходными солдатами, справедливо считалось, что они выносливы и что их легко обучать, чего нельзя было сказать об огромной массе бородатых семейных людей, интересы которых глубоко укоренились в жизни их деревень и хозяйств, и их, после короткого периода переподготовки, отсылали на фронт в качестве подкрепления, плохо вооруженных и часто плохо одетых и обутых.

Что касается офицерского состава, то он в течение трех лет, предшествовавших революции, подвергся еще большим изменениям. Процент убитых и раненых офицеров превышал процент убитых и раненых солдат. Невероятное разбухание разных штабов, требующих персонала, опытного в полевых условиях, вело к быстрому продвижению по службе и лишало фронтовые линии офицеров, получивших звание в мирное время. Их заменяли подпоручиками и прапорщиками, получившими подготовку в кадетских корпусах. Курс, длившийся более двух лет в мирное время, был к 1916 году сокращен до шести месяцев. Социальный состав нового контингента офицеров также изменился. Офицерская карьера, за исключением гвардии, давно перестала быть прерогативой высших классов. Напротив, офицерское звание было доступно людям, которые никак не могли считаться привилегированными. Это был один из главных факторов социальной мобильности. Многие высшие офицеры военного времени по происхождению и имущественному положению далеко не могли сравниться с вождями революции¹. Несмотря на это, военная карьера вполне реально связывала с офицерской кастой и требовала подчинения суровому духу армии. Перемена социального состава офицерства в основном была вызвана притоком новоиспеченных кадров военного времени. Эта молодежь, в большинстве своем, никогда раньше не думала о военной карьере, многие пришли из университетов и по мировоззрению принадлежали к русской радикальной интеллигенции. Многие были связаны с так называемым «третьим земским элементом», т.е. земствами и городскими управами, через которые революционные партии — главным образом эсеры — пытались проникнуть в российскую администрацию. Некоторые симпатизировали революционным партиям как таковым. Для офицеров, получивших звание во время войны, служба в армии перестала быть вопросом профессиональной гордости и сложных душевных переживаний, даже несмотря на то, что большинство из них поступило на военную службу по патриотическим соображениям. Но патриотизм, как они его понимали, означал присягу родине, а не государю, даже и в тех случаях, когда два эти понятия сознательно не противопоставлялись друг другу.

§ 2. Армия и правительство.

Изменения в армии повлияли на ее отношения с правительством: она перестала быть надежным орудием против надвигающейся революции. Когда в 1917 году в Петрограде вспыхнули беспорядки и возник вопрос о подавлении восстания гарнизона силой оружия, то многие утверждали, что армия не сможет и не пожелает этого сделать: она больше не является замкнутым организмом, изолированным от преобладающих политических влияний, теперь армия — это вооруженный народ. Этот аргумент был достаточно веским, но к нему имеются оговорки. Предположение, что каждый носящий форму будет безоговорочно выполнять приказы правительства, в 1917 году было, конечно, необоснованным. И все же никто ни разу не доказал, что не было ни одной части, либо на фронте, либо в самом Петрограде, готовой неукоснительно отозваться на призыв правительства. В частности, кавалерия, в которой изменение состава происходило гораздо медленнее, чем в пехоте, и в которой 50% личного состава состояло на службе еще до начала войны, все еще могла считаться надежной.

Отношения между правительством и армией осложнились, кроме того, организацией и претензиями Ставки. Законным главой армии был, по уставу, сам государь. В начале войны легко могло случиться, что он, ввиду масштабов конфликта, сочтет своим долгом немедленно взять на себя командование действующей армией. По причинам, выяснившимся в последующие месяцы, этого сразу не случилось, министрам и советникам государя удалось убедить его назначить вместо себя Верховного Главнокомандующего. Некоторое время выбор колебался между военным министром Сухомлиновым и дядей государя, великим князем Николаем Николаевичем. В конце концов был назначен великий князь, но это не содействовало установлению равных отношений между Ставкой и военным министерством. Великий князь никогда не упускал случая выразить свое пренебрежение военному министру, хотя Сухомлинов пользовался полным доверием и уважением государя. Великий князь был деспот, мистик и фаталист. Ему недоставало, пожалуй, личной храбрости, что он понимал, хотя и не сознавался в этом². Он слыл человеком крутым, отличался солдатской прямоотой, был строг с генералами и входил в нужды и тяготы простых солдат. «Ура-патриотов» он устраивал благодаря своим хорошо известным антигерманским настроениям, ему мирволила либеральная оппозиция, потому что ходил слух, что Манифест 17 октября уговорил подписать племянника он. Усиление Ставки привело к преобладанию военных властей над гражданскими как на фронте, так и в прифронтовых районах.

Великий князь самочинно подписывал и обнародовал решения, которые в принципе имело право принять только правительство, — например, в августе 1914 года была выпущена декларация, обещающая автономию полякам. Военные все увереннее и настойчивее вмешивались в административные вопросы, это мешало всему бюрократическому аппарату в целом, а особенно координации работы транспорта и снабжения³. Конфликты между правительством и Ставкой открыли путь политическим маневрам и интригам, что, как мы увидим, в июне 1915 года привело к перетасовке правительства. Сама по себе такая перетасовка не могла разрешить основного конфликта. Новый Совет министров очевидно был склонен примириться с ситуацией, смутно надеясь вступить в борьбу со Ставкой на предполагавшемся военном совете, который, как они рассчитывали, соберется под председательством государя. Эти и, возможно, другие планы и политические интриги кончились ничем, потому что в августе 1915 года государь неожиданно решил взять на себя Верховное Главнокомандование.

После этого трения между Ставкой и Советом министров уменьшились, центр тяжести во внутренней политической борьбе переместился на все ухудшающиеся отношения Думы и общественных организаций с правительством и царем. Значительное повышение боеспособности армии, о котором ярко свидетельствует летнее наступление 1916 года, вовсе не ослабило накала страстей. В обвинениях правительству — вялое ведение войны, намерение выйти из Антанты — оппозиция, как в Думе, так и в обществе, дошла до того, что вслух стала говорить об измене. Начавшись в высших слоях общества, эта кампания захватала население столиц и офицеров-фронтовиков. Преувеличенные слухи о влиянии Распутина при дворе и в правительственных сферах тоже сыграли значительную роль в подрыве престижа царской четы и правительства.

Решение Николая II взять на себя Верховное Главнокомандование было, по-видимому, его последней попыткой сохранить монархию и положительным актом предотвратить надвигающийся шторм. Мы видели, как глубоки были изменения в составе и организации армии после первого года войны. Решительный шаг государя подавал какую-то надежду на восстановление традиционной связи между монархией и армией. Николай II справедливо считал, что, занимая пост Верховного Главнокомандующего, он сможет возродить и усилить личную преданность ему генералитета, офицерства и простых солдат. События 1916 года — удачи на фронте, возродившийся дух армии, — казалось, подтверждали его ожидания. Однако существовал фактор, который он явно недооценивал: решимость лидеров

общественных организаций и думской оппозиции внушить офицерской элите свои политические идеи и получить поддержку армии в проведении конституционных реформ. На деле же они просто лишили монархию ее единственной защиты против революции — армии.

§ 3. Армия и общественные организации.

Мало известно о скрытых связях между главнокомандующими фронтов и лидерами политических групп, доминировавших в общественных организациях. Но то немногое, что мы знаем, приобретает огромный смысл, если принять во внимание решающую роль, которую играли главнокомандующие накануне отречения, — роль, которая позволила говорить о «революции генерал-адъютантов».

Невозможно было избежать официальных контактов между главнокомандующими фронтов и лидерами общественных организаций, функции которых заключались в помощи армии, в уходе за ранеными и больными, во все усложняющейся и расширяющейся организации снабжения продовольствием, одеждой, фуражом и даже оружием и боеприпасами. Лидеры общественных организаций, как мы увидим, не замедлили воспользоваться официальными контактами, чтобы постоянно жаловаться на инертность правительственных учреждений и заострять проблемы, которые и так осложняли отношения между главнокомандующими и министерствами. Сам Гучков и его заместитель Коновалов обрабатывали Алексеева в Ставке, а Терещенко, глава киевского военно-промышленного комитета, прилагал все усилия к тому, чтобы повлиять в том же духе на Брусилова, главнокомандующего Юго-Западным фронтом.

Янушкевич, начальник штаба при великом князе, был заменен в августе 1915 года генералом Алексеевым, рекомендованным на эту должность после блестяще проведенной им в 1915 году трудной операции отступления. Он был скромным и сдержанным человеком, образованным генералом, к которому государь относился чрезвычайно внимательно: Алексеев через день, а также каждое воскресенье и в праздники, завтракал и обедал у государя и был почетным гостем. Каждое утро государь и Алексеев несколько часов обсуждали дела фронта. Они, по-видимому, хорошо понимали друг друга, и нет никаких указаний на то, что государь пытался навязать своему начальнику штаба какие-нибудь стратегические или тактические идеи. Фактически Алексеев был главнокомандующим, и каждое его начинание поддерживалось государем. Алексеев был неутомимым работником и не склонен был

делить обязанности с подчиненными. В отношении стратегии он испытывал влияние весьма незаурядной личности, некоего генерала Борисова, который был генерал-квартирмейстером Алексеева на Западном фронте и оставался его советником.

Алексеев не был придворным и не искал чинов и наград. Однако через полгода после назначения начальником штаба он был произведен в генерал-адъютанты — это была высочайшая милость, которую государь мог оказать военачальнику. К пересудам о влиянии Распутина на государственные дела Алексеев относился безучастно. Мы не знаем, осуждал ли Алексеев Распутина во время докладов государю, но когда государыня во время одного из посещений Ставки отозвала Алексеева и пыталась выяснить его мнение по поводу возможного посещения Распутиным действующей армии, Алексеев решительно против этого протестовал, чем вызвал серьезное недовольство императрицы.

Отношения Алексеева с государем оставались дружескими до тех пор, пока государь не узнал о его связях с Гучковым, председателем Центрального военно-промышленного комитета. Происхождение и характер этих связей лучше всего выявляются в телеграмме, посланной болевшим Гучковым начальнику штаба 14 февраля 1916 года:⁴

Крайне необходимо переговорить с вами, сделать вам доклад о всех сторонах деятельности Центрального военно-промышленного комитета и получить важные для комитета ваши указания.

Ввиду того, что Гучков не мог приехать в Ставку, он попросил Алексеева принять его помощника, А.И. Коновалова.

По мере того, как постепенно обнаруживались стремления лидеров общественных организаций, контакты Алексеева с ними становились все менее и менее невинными. 14 февраля 1916 года, в тот же день, когда была получена приведенная выше телеграмма Гучкова, Лемке отметил в своем дневнике, что по некоторым обмолвкам генерала Пустовойтенко (генерал-квартирмейстер Ставки) видно, что между Гучковым, Коноваловым, генералом Крымовым и Алексеевым зреет какая-то конспирация, какой-то заговор. Вполне возможно, что Лемке, который, несмотря на свои почти большевистские воззрения, был аккредитованным военным сотрудником Ставки, позже интерполировал эту запись в свой дневник, опубликованный в 1920 году, и проставил дату заговора задним числом. Не приходится, однако, сомневаться, что Гучков, Коновалов и Терещенко вели систематическую кампанию, не переставая доносить начальнику штаба, как правительство Штюрмера

«саботирует», по их выражению, усилия общественных организаций обеспечить непрерывное снабжение фронта. Хорошо известное письмо Гучкова Алексееву, написанное в августе 1916 года, было просто кульминацией этой кампании⁵. Реакция Алексеева на жалобы и обвинения была проста: он старался получить для армии от общественных организаций все, что возможно, и при этом не подогревать их политических амбиций и не вносить обострений в отношения с правительством. Все же заговорщики в общественных организациях не отступались, и если судить по как правило точным и достоверным записям генерала Деникина, они продолжали докучать Алексееву планами немедленных конституционных перемен даже зимой 1916–1917 гг., когда он выздоравливал после болезни в Крыму.

В отсутствие Алексеева должность начальника штаба занял генерал Гурко. При нем закулисные сношения с Гучковым продолжались. Охранка, наблюдавшая, кто посещает Гучкова, доносила, что у него был генерал Гурко. В этом нет ничего удивительного: Гучков и Гурко были знакомы с тех пор, как Гучков служил в войне 1898 года добровольцем на стороне буров, а Гурко был русским военным агентом в Оранжевой республике. Позднее, когда Гучков проявлял большой интерес к реформе армии, Гурко входил в группу офицеров, обсуждавших с ним законодательные меры, которые он пытался провести в думских комитетах. В начале 1917 года Гурко открыто перешел на сторону оппозиции: прежде чем уйти с должности замещающего начальника штаба, он убеждал уставшего и опустившего руки Николая II в срочной необходимости образовать «правительство народного доверия».

Нажим общественных организаций на старших офицеров армии, по-видимому, не дал немедленно желаемых результатов. Во всяком случае Гучков, в своих несколько туманных показаниях Муравьевской комиссии, не подтверждает участия главнокомандующих в его заговоре⁶. Все же непрерывные придирки к правительству и неустанно повторяемое убеждение, что общественные организации имели возможность сделать для армии гораздо больше, если бы им не препятствовали министры, вероятно, заставили генералов задуматься. Могло ли на самом деле либеральное правительство, то есть «правительство народного доверия», работая рука об руку с общественными организациями, сделать для армии больше, чем наличные власти? По-видимому, генералы, во всяком случае Алексей, не были особенно высокого мнения об административных способностях тех, кто пытался вовлечь их в политическую борьбу. Но несмотря на это и Алексей, и Гурко, и главнокомандующие фронтами сознавали, что общественное мнение требует конституционных перемен и полностью

пренебрегать этим нельзя, потому что это может ослабить народный дух и свести на нет военные усилия.

§ 4. Родзянко и армия.

В черные дни 1915 года общественные организации не переставали поносить русское военное командование. С осени тон стал сдержаннее — общественные организации не хотели возбуждать против себя генералитет, потому что рассчитывали на его политическую поддержку. Не переменялся, однако, председатель Думы Родзянко. Он не обходил своим вмешательством ничего — ни снабжения армии, ни стратегии, ни тактики. Это раздражало не только государя, но и самого Алексеева. Как-то раз Родзянко раскритиковал покупку для армии аэропланов, и тогда Алексееву, по указанию государя, пришлось попросить его не превышать своих функций. Летом 1916 года Родзянко, вместе с членом Думы В. Маклаковым и председателем киевского военно-промышленного комитета М. Терещенко, ездил на фронт и побывал у Брусилова и других генералов. Тут уж он набрал достаточно материала для своих «маневров». Естественно, генералы жаловались, что летнее наступление могло дать больше, если бы у них были лучше войска, в Красном Кресте просили прислать недостающее и жаловались, что все труднее становится справляться с непрерывным потоком раненых. Родзянко повидал и своего сына, молодого фронтового офицера. Тот сказал, что заявит протест государю по поводу тяжелых потерь, понесенных во время наступления в июне 1916 года. Вот сообщение молодого человека:

Командный состав никуда не годится... Все чувствуют в армии, что без всяких причин дела пошли хуже: народ великолепный, снарядов и орудий в избытке, но не хватает мозгов у генералов... Ставке никто не доверяет, так же, как и ближайшему начальству... Мы готовы умирать за Россию для родины, но не для прихоти генералов... У нас и солдаты, и офицеры одинаково думают, что если порядки не изменятся — мы не победим. Надо на все это открыть глаза.⁷

В результате всех этих впечатлений рьяный председатель Думы послал Брусилову «Записку», которую Брусилов препроводил в Ставку. В «Записке» Родзянко говорит:

1. Русское высшее командование либо не имеет заранее подготовленных планов операций, либо, если их имеет, то их не выполняет (Ковельская операция).

2. Высшее командование не умеет или не может организовать крупную операцию на вновь открывающемся фронте, частью за неимением достаточных сведений, частью за полной хозяйственной беспомощностью военных властей (Румынская операция).
3. Высшее командование не имеет единообразных методов обороны и нападения и не умеет готовить наступление.
4. В деле назначения и смены командного состава нет системы, и назначения на высшие посты носят чисто случайный характер, благодаря чему посты занимают лицами, не соответствующими занимаемому посту.
5. Высшее командование не считается с потерями живой силы и не проявляет достаточной заботливости о солдатах.

Вслед за этим обвинительным актом идут длинные сетования по поводу недостатков военных операций 1916 года, и в заключение Родзянко говорит:

Если та же обстановка сохранится до весны, когда все ожидают либо нашего наступления, либо наступления германцев, то успеха летом 1917 года, как и летом 1916 года, ожидать не приходится.⁸

Несомненно, брусиловское наступление в 1916 году стоило огромных потерь. Весть о них пронеслась по всей России, и не только Родзянко сокрушался о крупных потерях и сомневался в их необходимости. Еще одним критиком был Распутин. Но, в то время, как в патриотизме Родзянко никто не сомневался, Распутин впоследствии обвинили в том, что он действовал в интересах немцев, пользуясь потерями как предлогом, чтобы остановить брусиловское наступление. Родзянко в то время не подвергался таким обвинениям, и только через много лет военный историк Головин, цитируя приведенные выше параграфы из «Записки» Родзянко Брусилову, замечает:

Читая теперь эти строки, трудно даже представить себе, что они написаны после величайшей из побед, равной которой не было одержано за 1914,1915 и 1916 годы ни одним из союзников.⁹

Нечего и говорить, что подобные приговоры председателя Думы не располагали к нему Алексева. После образования Временного правительства Родзянко предостерегал его членов против назначения Алексева Верховным Главнокомандующим армии¹⁰.

§ 5. Состояние армии к концу 1916 года.

Безусловно, о моральном состоянии армии, ее снабжении и качествах командования Родзянко судил под влиянием настроений, господствовавших в тылу, под влиянием мнений, которые высказывались сопровождавшими его Коноваловым и Терещенко, увлекаемый склонностью самоуверенного, но плохо осведомленного ума высказывать окончательные суждения по любым вопросам. Его оценка прямо противоположна оценке генерала Нокса, компетентного британского специалиста, состоявшего во время войны при русской армии. Согласно Ноксу:

Перспективы кампании 1917 года были еще более блестящими, чем прогнозы летней кампании, делавшиеся в марте 1916 года... Русская пехота устала, но меньше, чем год назад.

... Запас оружия, боеприпасов и технического оборудования, почти по всем статьям, был значительнее, чем даже при мобилизации, и гораздо значительнее, чем весной 1915 или 1916 года. Впервые приобрели ощутимые размеры иностранные поставки... Командование улучшалось с каждым днем. Дух армии был здоровый, крепкий... Нет сомнения — если бы не развал национального единства в тылу, русская армия могла увенчать себя новой славой в кампании 1917 года, и ее напор, сколько можно судить, мог обеспечить победу союзников к концу года¹¹.

Вопреки оптимистической оценке, которую генерал Нокс дал состоянию Русской армии, положение сложилось угрожающее: ресурсы страны были Истощены. Как ни странно, это прежде всего относилось к резерву рабочей силы. Мобилизация в России была проведена чрезмерная, и дальнейшая утечка рабочей силы в армию грозила парализовать работу военной промышленности и транспорта. Законодательные органы предостерегали против нового набора, которого требовала Ставка. Члены Государственного Совета и Думы, заседавшие также в Особом Совещании по обороне, представили аргументированный доклад, в котором протестовали против дальнейшей мобилизации и предлагали альтернативные меры по повышению боеспособности армии. Ставка отклонила их доводы, сознавая, тем не менее, что призыв следующего возраста в конце 1916 года встретит сильную оппозицию.

Генерал Гурко, заменивший в ноябре 1916 года Алексеева на должности начальника штаба, начал проведение армейской реформы, по которой число батальонов в полку сокращалось с четырех до трех. Из высвобожденных таким образом

батальонов, пополнив их некоторыми тыловыми резервами, предполагали сформировать т.н. «третьи дивизии»: на каждые две существовавшие дивизии создавалось по одной новой, что увеличивало общее число дивизий на 50%. Гурко считал, что это даст дополнительные оперативные формирования, которые требовались Ставке для запланированного весеннего наступления 1917 года. Инициатива Гурко оказалась неудачной. К реформе приступили слишком поздно, она сильно повлияла на сплоченность фронта и угрожала задержать начало весенней кампании. Дивизии, находившиеся на передовых линиях фронта, как правило, отдавали тех солдат, которые были похуже, и с моральной, и с физической стороны. Передовые дивизии отказывались делить техническое оборудование и вооружение с новыми дивизиями, и они так и стояли в тылу, невооруженные и без снаряжения, образовав некоторого рода второсортный резерв, а не равноценные первоначальным дивизиям формирования. Когда началась революция, эта серошинельная масса «третьих дивизий» совершенно разложилась, превратившись в бездельную, нервную, политически сбитуую с толку толпу неизменных участников бесконечных митингов, столь характерных для улицы тех дней¹².

Зимой 1916–1917 года начала ощущаться угроза развала в работе железнодорожного транспорта и в снабжении армии продовольствием и фуражом. Прежде всего, замедлилась замена подвижного состава на железных дорогах, не хватало исправных паровозов. Это в первую очередь затрудняло доставку таких громоздких грузов, как фураж. Но хотя в феврале 1917 года положение и казалось угрожающим, с уверенностью можно было ждать сезонных улучшений ко времени согласованного с союзниками весеннего наступления.

В добавление к трудностям с рабочей силой и транспортом, к концу 1916 года навис сельскохозяйственный кризис. Урожай в России в течение всей войны были хорошие, но сбор урожая все более и более затруднялся, так как мобилизация поглотила массу рабочих рук. Особенно это ощущалось в крупных хозяйствах. Изнашивалось также и сельскохозяйственное оборудование, и его почти нечем было заменить, потому что промышленность переключилась на военное производство. По сходным причинам была затруднена добыча топлива, особенно на шахтах Донецкого угольного бассейна, где производство угрожающе падало.

Трудно сказать, в какой степени причиной неурядиц были небрежение или беспомощность правительства. Что бы ни делала администрация, трудности неизбежно должны были возникнуть — как они возникли в остальных воюющих странах — в результате необходимости поддерживать фронт. В России же ими воспользовались как

предлогом, чтобы доказать, что правительство ведет страну «к гибели» и единственное спасение состоит в конституционных преобразованиях и создании «правительства народного доверия». Подобно тому, как Родзянко валил на Ставку вину за огромные потери, понесенные при брусилловском наступлении 1916 года, общественные организации пользовались любой критической ситуацией, возникавшей по мере развития военных действий, чтобы дискредитировать правительство и приблизить радикальные перемены, к которым они стремились.

В начале 1917 года центром внутриполитической борьбы стали на несколько недель кулуары Совещания союзников в Петрограде. На союзников, в частности, на лорда Милнера, нажимали в том смысле, чтобы они уговорили государя провести конституционные реформы. Генерал Гурко, разделявший точку зрения общественных организаций, пытался воздействовать непосредственно на государя¹³. Лорд Милнер, как мы увидим, был дипломатичнее и осторожнее, чем Гурко или британский посол в Петрограде сэр Джордж Бьюкенен. Потому ли, что не слишком был уверен, что люди, которым будет оказано «народное доверие», справятся с делом лучше, чем министры, назначенные царем? Перед отъездом из России он выступил несколько туманно, желая, очевидно, угодить всем. Тем не менее, его выступление передает атмосферу этого критического момента. Комментируя последнее заявление лорда Милнера, корреспондент «Таймса» (в последнем отправленном им до Революции сообщении — 25 февраля/9 марта) замечает, что заявление это было «принято с удовлетворением». Он вставил также явно инспирированный русскими пассаж:

Лучшим ответом на недоверие или недоразумения, вызванные неспособностью административного аппарата справиться с колоссальными трудностями нынешней войны, будет весеннее наступление, которое откроют огромные силы, сосредоточенные на Восточном фронте.

Наступление открыто не было. Ибо в тот момент, когда корреспондент «Таймса» объявил ставку грандиозной военной рулетки, красный шар революции прокатил по завьюженным улицам Петрограда.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 3

¹ Достаточно сравнить биографию Корнилова или Деникина с биографией Ленина или Троцкого.

² См. довольно злобное описание характера великого князя в говорливых воспоминаниях отца Г. Шавельского: «Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота». 2 тома, Нью-Йорк, 1954.

³ См. главы 4 и 7 настоящего тома.

⁴ Общественные организации распространяли слух, что Гучков умирает, «отравленный распутинской бандой». См.: М.К. Лемке. 250 дней в царской Ставке. Петроград, 1920, стр. 545.

⁵ См. гл. 8, § 5.

⁶ Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного правительства. 7 томов. Л., 1924-1927. (В дальнейших ссылках — «Падение...»). См. том IV, стр. 278-280, а также § 3 главы 8-ой настоящего тома.

⁷ М.В. Родзянко. Крушение Империи. АРР, XVII, стр. 135 и далее.

⁸ Н.Н. Головин. Военные усилия России в мировой войне. Париж, 1939, т. II, стр. 165 и далее.

⁹ Н.Н. Головин, ук. соч., т. II, стр. 166.

¹⁰ Красный Архив, 1922, т. II, стр. 284-286.

¹¹ Sir Alfred Knox. With the Russian Army, 1914–1917. London, 1921, pp. 551–552. Черчилль, в сущности, оценивал положение так же. См.: Winston S. Churchill. The World Crisis 1916–1919. London, 1927, vol. I, p. 223.

¹² Н.Н. Головин, ук. соч., т. I, стр. 97 и далее.

¹³ См. гл. 9, § 8, а также: Генерал Н.Н. Головин. Российская контрреволюция в 1917–1918. (Copyright Hoover Library). Париж, 1937, часть I, стр. 109.